

УДК 1(470):82.0+929Федоров

ОТРАЖЕНИЕ ИДЕЙ «ФИЛОСОФИИ ОБЩЕГО ДЕЛА» Н. Ф. ФЕДОРОВА В СТРУКТУРЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА (НА ПРИМЕРЕ ПРОЗЫ В. КАВЕРИНА)

Шиндина Ольга Викторовна –

кандидат филологических наук, доцент кафедры философии культуры
и культурологии, Саратовский государственный университет
E-mail: oshindina@yandex.ru

Статья посвящена проблеме влияния философско-религиозных идей Н. Ф. Федорова на художественное творчество крупнейшего отечественного писателя В. А. Каверина. Анализируются формально-содержательные элементы поэтики Каверина, позволяющие интерпретировать некоторые мотивы его романа и особенности построения романного хронотопа как формирования в художественном мире писателя утопической модели мира и, вместе с тем, творческое преломление фундаментальных идей нравственной философии Федорова. Исследуются особенности утопической модели мира, созданной Кавериним, которые позволяют говорить о центральном положении слова в художественном мире писателя и возможности символического преодоления смерти.

Ключевые слова: «нравственная философия» Н. Ф. Федорова, идея воскресения, литературная утопия В. Каверина, хронотоп, интертекстуальные стратегии.

DOI: 10.18500/1819-7671-2015-15-4-60-64

Актуальность исследования данной проблематики обусловлена несколькими факторами, которые представляются в современном контексте развития культурфилософских идей особенно плодотворными: это и необходимость выявления сущностных характеристик отечественной литературной утопии в философском и историко-культурном контекстах [1, 2], и насущная потребность осмысления представлений об отечественной утопии, которое учитывало бы широкий спектр ее разнообразных исследовательских интерпретаций, и, наконец, важность проблемы жанровой трансформации русской утопии, которая является специфическим литературным феноменом, развивающимся вне жестких жанровых канонов и схем, и которая формирует в русской литературе первой трети XX в. новые варианты литературной утопии [3, 4], осмысляющей опыт социального и политического эксперимента, осуществляемого в это время в стране.

Очевидная сюжетобразующая линия романа В. Каверина «Два капитана» – воскрешение памяти о забытом полярном исследователе капитане Татаринове, возвращение истинной истории его экспедиции и восстановление духовной связи поколений может быть интерпретирована в кон-

тексте философии общего дела Н. Ф. Федорова, в котором абсолютный, неутилитарный характер нравственности рассматривается мыслителем в непосредственной связи с проблемой смерти как зла, ее непринятием и преодолением, а федоровские рассуждения о нравственной детерминанте памяти являются одними из сущностно значимых для его учения [5]. Сотериологический характер учения Федорова позволяет рассматривать истоком стремления, определяющего судьбу главного героя, «воскресить» умершего капитана Татаринова не только желание искупить чувство исторической вины перед ним, но и личной вины перед собственным отцом, погибшим из-за ложного обвинения, которое немой мальчик Саня Григорьев не смог опровергнуть; мотив искупления вины перед родителями определяет в романе многие сюжетные ходы. Именно эта линия романа становится своеобразной художественной иллюстрацией понимания нравственности русским философом, сформулированного в словах: «Нравственность, этика объединения живущих, или сынов умерших отцов, требует от каждого: жить не для себя, но и не для других, а со всеми живущими для оживления всех умерших...» [6]. Федоровское определение нравственности может быть понято именно в связи с идеей соборного преодоления смерти, которая является одной из глубинных и сокровенных традиций русской философии, имеющих сотериологический характер. Такие фундаментальные черты федоровской рефлексии над смертью, как «глубокая уязвленность не столько личной смертью, сколько смертью других, близких и далеких людей <...> ненужность и бессмысленность бессмертия вне нравственного совершенства человека», со всей очевидностью узнаются в смысле пространных каверинского романа [7].

Формально-содержательное воплощение интертекстуальных отсылок к идеям Федорова вписывается в поэтику каверинского романа в более сложный культурный контекст. Несмотря на идеологическую «приемлемость» героико-романтических тем романа Каверина «Два капитана», он

не представляет собою образец ангажированной общественно-политической продукции, как может показаться на первый взгляд. Запас старых ассоциаций (в том числе связанных и с идеей революционного обновления мира), имеющих разработанную культурную «ауру», наполняется у Каверина существенно измененным, подчас совершенно новым семантическим опытом. Одним из способов организации многослойного текста становится для Каверина, как представляется, трансформация мотивов, взятых из других текстов, развертывание метафорических понятий или изменение их смысла, что подчас вызывает эффект полемики с авторами источников. Можно утверждать, что литературная аллюзия является для автора одним из средств зашифровывания глубинного смысла его многослойной прозы, в которой присутствует более или менее очевидно «процитированное» чужое слово.

Роман «Два капитана» неоднозначен в силу своей насыщенности культурными ассоциациями, что явилось естественным следствием общения Каверина с представителями той литературно-художественной и, в первую очередь, научной среды Петрограда 1920-х гг., которая оказала существенное влияние на формирование его писательского мировоззрения. Уже при беглом чтении текста романа обращает на себя внимание определенный набор формальных признаков, среди которых важное место отведено повтору устойчивых мотивов и образов, становящихся фабульными скрепами, таких как *речь, письмо, корабль, птица* (и изоморфный техногенный заместитель этого образа *самолет*), *метель/вьюга/пурга, полет, кружение/вращение* и т.д.

Набор этих символов занимает в истории отечественной культуры особое место: данные категории, образующие целостный комплекс, имеют непосредственное отношение к утопическому дискурсу, мистическому сектантству (в частности, к хлыстовству, интерес к которому объединял представителей самых разных литературных и научных направлений – символистов, акмеистов, футуристов, формалистов [8]).

Возможная актуализация интереса Каверина к данной теме могла сформироваться под непосредственным воздействием его старших друзей и учителей. Так, в книге воспоминаний о Ю. Н. Тынянове Каверин пишет о работе В. Шкловского 1914 г. «Воскрешение слова», цитируя из нее фрагмент, посвященный глоссологии, в которой лидер ОПОЯЗа видит способ понимания новой поэзии. В. Шкловский, оказавший сильное влияние на творчество Каверина, в своей статье «О поэзии и заумном языке», опубликованной в выпуске «Сборников по те-

ории поэтического языка» (1916 г.) и ставшей впоследствии хрестоматийной, высоко оценил известную книгу Д. Коновалова «Религиозный экстаз в русском мистическом сектантстве», а также заумь у футуристов. Он же в не опубликованной при жизни заметке «Всеволод Иванов» писал: «Хлыстовство в России быстро сделалось дурной литературой» [9, с. 284]. Как известно, хлыстовские «подтексты» присутствовали в творчестве многих до- и послереволюционных поэтов, прозаиков, литературных критиков, философов, кино- и театральных деятелей.

С определенной осторожностью можно предположить, что Каверин имел возможность познакомиться с «Повестью о Татариневой» 1931 г. А. П. Радловой. Так, в Государственном институте истории искусств, который посещал Каверин, 18 января 1923 г. состоялся вечер современной драматургии, на котором, возможно, происходило «режиссированное чтение» пьес М. Кузмина «Вторник Мэри» и Анны Радловой «Богородицын корабль» <...> (режиссер С. Э. Радлов)» [10, с. 203]. Ее же драма «Богородицын корабль» была опубликована в 1923 г.; показательно название ее сборника 1921 г. «Корабли». По-видимому, в своей работе над романом Каверин использует уже существующий в русской культуре набор образов и мотивов, устойчиво маркирующих семантическое поле хлыстовства, формирующего утопический дискурс, но использует не в качестве готовых клише, а встраивая их в связный нарратив, наполненный новым содержанием: так, апология странничества, поиск обетованной, заповедной земли, характерный для русской утопии, преобразуется в романе в мотив путешествий главного героя и освоения им Крайнего Севера, который становится сакральной пространственной зоной, связанной, в первую очередь, с темой духовных поисков, становления личности.

Идеи спасения, преображения, воскрешения, характерные для хлыстовства и имеющие параллели в «Философии общего дела» Н. Ф. Федорова, перекликаются с темой победы над смертью, воплощенной в центральных героях романа – двух капитанах, Татаринове и Григорьеве, актуализируя помимо религиозной идеи воскресения апокалиптический слой романа: с большой степенью осторожности можно говорить о наличии в романе завуалированной связи между темой русской революции и апокалиптической темой, которая манифестирована ситуацией похорон матери Сани, происходящими в день революции. В свете крайне радикальной идеи Федорова по-новому звучит мотив поиска погибшей экспедиции Татаринова, победы его

научных идей и воскрешения его дела: «Не было и не могло быть надежды, что мы увидим его. Но пока не была названа смерть, пока я не увидел ее своими глазами, все светила в душе эта детская мысль. Теперь погасла, но ярко загорелась другая: не случайно, не напрасно искал я его – для него нет и не будет смерти» [11, с. 597].

Идея культурно-исторической преемственности между поколениями отцов и детей в специфическом федоровском прочтении может «усматриваться» в романе в завуалированном и смягченном варианте, будучи помещенной в контекст тургеневского творчества, ссылки на которое встречаются на протяжении всего повествования: «поколение, у которого нам еще приходилось кое-чему поучиться. Разумеется, между нами не было никакой пропасти – почему-то полагается думать, что между “отцами и детьми” непременно должна быть пропасть» [11, с. 572]. В связи с утопическими федоровскими представлениями о бессмертии родителей в особом ракурсе предстает в поэтике романа сопоставление жизни и книги, позволяющее описать «последнюю страницу» жизни Татаринова: «Я прочел ее – и она оказалась бессмертной» [11, с. 615]. Таким образом, книга/литературный, художественный текст становится неким значимым фрагментом утопического пространства, вбирающим в себя важные элементы идеального хронотопа, не знающего смерти.

Система двойничества персонажей – характерная черта каверинской поэтики, широко примененная им в романе, позволила ему воплотить мотив вечного *возвращения, повторения, круговорота*, важный в контексте идей рубежа XIX–XX вв. от Ф. Ницше, О. Шпенглера и К. Леонтьева до ровесника Каверина поэта и прозаика К. Вагинова. С учетом «ломоносовского подтекста» в конструировании образа Татаринова особенно важным представляется прием отождествления главного героя романа, Сани Григорьева, с капитаном Татариновым: «С непостижимым чувством я рассказывал о нем! Как будто не он, а я был этот мальчик, родившийся в бедной рыбацкой семье на берегу Азовского моря. Как будто не он, а я в юности ходил матросом <...> Как будто его история окончилась не поражением и безвестной смертью, а победой и счастьем. И друзья, и враги, и любовь повторились снова, но жизнь стала иной, и победили не враги, а друзья и любовь» [11, с. 626–627]. Для героини романа Кати Татариновой нахождение останков отца в вечной мерзлоте становится своеобразной «иллюстрацией» проекта Н. Ф. Федорова о воскресении отцов. Идея воскресения, воплощенная, в первую очередь, в мотиве поис-

ка погибшей экспедиции, возглавляемой отцом Кати, в романе помещена именно в техногенный контекст, что было особенно важно для Федорова: Саня постоянно подсчитывает, насколько быстрее самолет пройдет маршрут того или иного полярного исследователя, обнаружение экспедиции происходит во время полета, а само место гибели капитана находится в непосредственной близости от цивилизации.

Благодаря образам художника Пети Сквородникова и полярного летчика Сани Григорьева, вернувшего науке имя Татаринова, идея бессмертия в федоровской трактовке смыкается также и с присущей романтизму и символизму идеей обретения бессмертия посредством переноса действительности в произведение искусства, которое становится неким заместителем идеального хронотопа, утопическим локусом, олицетворяющим бессмертие. При этом Каверин, перенося типы персонажей своего раннего, «фантастического», «гофманианского» периода творчества [12] в свою реалистическую, психологическую прозу рубежа 1920–1930-х гг., сохраняет систему отсылок, позволяющих легко восстановить преемственность между этими этапами. Так, образ шхуны «Св. Мария» из реалистического романа «Два капитана» изображен в духе фантастических легенд о Летучем Голландце, что, очевидно, имеет связь с ранним неопубликованным рассказом Каверина, для героя которого Ю. Тынянов придумал имя Ван-Везен, ставшее впоследствии его псевдонимом. Скрытая отсылка к призрачному Летучему Голландцу содержится в словах Сани о капитане Татаринове: «Оставил ли он корабль, чтобы изучить открытую им землю, или погиб от голода вместе со своими людьми и шхуна, замерзшая во льдах у берегов Ямала, годами шла путем Нансена к Гренландии с мертвой командой?» [11, с. 266].

С образом Ван-Везена, убившего Смерть, из раннего рассказа Каверина связан мотив возраста в романе «Два капитана». В автобиографической трилогии Каверин пишет о том, что в связи с сюжетом рассказа его волновала проблема возраста, так как убийство Смерти привело бы к бессмертию человечества. Эта идея воспринималась как утопическая, парадоксальная; Каверин приводит слова Л. Лунца, разрешающие данное противоречие и содержащие ссылку на сви́товский образ: «Что касается развязки... Возраст – понятие относительное. Я знаю людей, которым по сорок лет, а они уже стульбруги» [13, с. 467]. В романе «Два капитана» тема бессмертия/вечной юности связывается с мотивом путешествия, поиска новой земли – идеального пространства и обретения через это памяти в поколениях потомков; так,

Катя Татарина говорит о путешественниках: «Только путешественники так не стареют <...> мне всегда казалось, что у каждого человека есть свой характерный возраст. Один родится сорокалетним, а другой на всю жизнь остается мальчиком девятнадцати лет. Ч. такой же и ты – тоже. Вообще многие летчики. Особенно те, которые любят перелетать океаны» [11, с. 430]. Ранняя же проза Каверина манифестирует утопическую идею волшебного путешествия во времени, доступную магам-творцам, художникам; таким образом, и в раннем периоде творчества Каверина сфера художественного творчества, искусства, научного поиска очерчивает утопический локус бессмертия.

Пафос воскресения мертвецов посредством магических возможностей слова, сохранения образа в литературе показательно соединяется в романе «Два капитана» с кинематографической семантикой, присутствующей в виде кинематографической образности (и в виде фотографического искусства как прототипа кино): «Я говорил и все с большей силой испытывал то чувство, которое не могу назвать иначе, как вдохновением. Как будто на далеком экране под открытым небом я увидел мертвую, засыпанную снегом шхуну. Мертвую ли? Нет, стучат, забивают досками световые люки, обшивают толем и войлоком потолки – готовятся к зимовке» [11, с. 627]. В этом примере наиболее явно эксплицирована связь образов зимы, Севера, символизирующих холод и в этом семантическом аспекте сближающихся с мифопоэтическим пониманием мотива смерти, а также их связь с образом кинематографического экрана как того утопического локуса, где физиологическая смерть преодолеваема, становясь символической: «Или еще живут где-нибудь на безлюдном полярном острове люди со “Св. Марии” <...>?» [11, с. 266].

В образе главного героя каверинского романа, летчике Сане Григорьеве, видится отзвук влияния идей Федорова, чья философия общего дела способствовала формированию специфического, утопического типа героя: «в учении Н. Ф. Федорова он способен победить смерть и преобразить жизнь», – отмечает современный исследователь [14, с. 7]. Главным героем этого произведения, отличающегося эсхатологической устремленностью и пространственным поиском, связанным со странническими настроениями, на протяжении всего романного действия осуществляется напряженный поиск идеального пространства, отождествляемого с «началом дней» и восстановлением истинной истории. Поиск утопического локуса происходит в границах империи. В центре романа – проблема реабили-

тации погубленного, оболганного и забытого героя, служившего на благо России, – тема для империи более чем актуальная, если учитывать время написания «Двух капитанов». Утопия в представлении Каверина идентифицируется с логоцентрической космогонией: слово формирует мир, наделяется безграничными возможностями.

Каверин использует исторический материал, тщательно и глубоко «зашифровывая» его в метафорической мотивно-образной структуре и облекая его в формально-содержательные характеристики приемлемого для советской власти героико-романтического романа, предназначенного для юношества, тем самым сохраняя мощные смысловые пласты культуры, созданной научным и художественным дискурсами до- и послереволюционного периодов. В авторитарной репрессивной атмосфере советских 1930-х гг. Каверин создает свой неповторимый художественный инструментарий для сохранения исторической памяти и культурной традиции.

Список литературы

1. *Абрамов М. А.* Идеи философии русского космизма в творчестве религиозных мыслителей XX в. Саратов, 2007. 240 с.
2. *Никитин В. А.* Учение Н. Ф. Федорова и проблемы христианской антропологии // «Служитель духа вечной памяти». Николай Федорович Федоров (к 180-летию со дня рождения): сб. науч. ст.: в 2 ч. М., 2010. Ч. I. С. 233–248.
3. *Гачева А. Г., Казина О. А., Семенова С. Г.* Философский контекст русской литературы 1920 – 1930-х годов. М., 2003. 400 с.
4. *Гачева А. Г.* Ф. М. Достоевский и Н. Ф. Федоров: встречи в русской культуре. М., 2008. 570 с.
5. *Пугачев О. С.* Этический контекст проблемы бессмертия в русской религиозной философии (конец XIX – начало XX вв.). Пермь, 1998. 166 с.
6. *Федоров Н. Ф.* По голове – человек, по туловищу – скот и зверь // Федоров Н. Ф. Собр. соч.: в 4 т. / сост., подгот. текста и комментарии А. Г. Гачевой и С. Г. Семеновой. М., 1997. Т. 3. С. 310.
7. *Фесикова О. В.* «Философия общего дела» Н. Ф. Федорова в контексте современной нравственной философии: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Тула, 2011. 19 с.
8. *Эткинд А.* Хлыст (Секты, литература и революция). М., 1998. 688 с.
9. *Шкловский В.* Гамбургский счет: статьи – воспоминания – эссе (1914–1933). М., 1990. 544 с.
10. *Тимофеев А. Г.* Вокруг альманаха «Абракасас» (из материалов к истории издания) // Русская литература. 1997. № 4. С. 190–205.
11. *Каверин В. А.* Два капитана // Каверин В. А. Собр. соч.: в 8 т. М., 1981. Т. 3. 638 с.

12. Шиндина О. В. От оживающей статуи к неживому гомункулу : алхимическая тема в раннем творчестве Каверина // В. Я. Брюсов и русский модернизм : сб. ст. / ред.-сост. О. А. Лекманов. М., 2004. С. 240–250.
13. Каверин Т. Освещенные окна : трилогия // Каверин В. А. Собр. соч. : в 8 т. М., 1983. Т. 7. 590 с.
14. Файзрахманова А. А. Поэтика русской литературной утопии 1900–1910-х годов : проблемы жанровой трансформации в контексте традиции : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Бирск, 2011. 21 с.

The Reflection of the Ideas of «Philosophy of Common Cause» N. F. Fedorov's in the Structure of Artistic Text (by the Example of V. Kaverin's Prose)

O. V. Shindina

Saratov State University
83, Astrakhanskaya str., Saratov, 410002, Russia
E-mail: oshindina@yandex.ru

The article is dedicated to the problem of the influence of the philosophic-religious ideas of N. F. Fedorov on the creative work of the native first-rate writer V. A. Kaverin. In the following the formal elements of Kaverin's poetry are analyzed, which help to interpret some of the motives of his novel and the peculiarities of the novel's structure as the forming of the Utopian world model in the artistic world of the writer. At the same time, the artistic interpretation of the fundamental ideas of Fedorov's moral philosophy is analyzed. The peculiarities of Utopian world model created by Kaverin, which let us speak about the central place of word in the artistic world of the writer and the possibility of the symbolic overcoming of death, are analyzed in the article.

Key words: N. F. Fedorov's «moral philosophy», idea of the revival, V. Kaverin's literary utopia, chronotope, inter-textual strategies.

References

1. Abramov M. A. *Idei filosofii russkogo kosmizma v tvorchestve religioznyh mysliteley XX v.* (The ideas of the philosophy of Russian cosmism in the works of religious thinkers of the XX). Saratov, 2007. 240 p.
2. Nikitin V. A. Uchenie N. F. Fedorova i problemy hristianskoy antropologii (Fedorov's doctrine and the problems of Christian anthropology). *«Sluzhitel duha vechnoy pamyati». Nikolay Fedorovich Fedorov (k 180-letiyu so dnya rozhdeniya): sb. nauch. st.: v 2 ch. Ch. I («Spirit's vassal of eternal memory».* Nikolay Fedorovich Fedorov {in the memory of 180th anniversary}: Collection of scientific articles: in 2 parts). Moscow, 2010. Part 1, pp. 233–248.
3. Gacheva A. G., Kazina O. A., Semenova S. G. *Filosofskiy kontekst russkoy literatury 1920–1930-h godov* (Philosophic context of Russian literature in 1920–1930s). Moscow, 2003. 400 p.
4. Gacheva A. G. *F. M. Dostoevskiy i N. F. Fedorov: vstrechi v russkoy kulture* (F.M. Dostoevskiy and N. F. Fedorov: meetings in Russian culture). Moscow, 2008. 570 p.
5. Pugachev O. S. *Eticheskiy kontekst problemy bessmertiya v russkoy religioznoy filosofii (konets XIX – nachalo XX vv.)* (Ethic context of the problem of immortality in Russian religious philosophy {XIX–XX centuries}). Perm, 1998. 166 p.
6. Fedorov N. F. *Po golove – chelovek, po tulovishchu – skot i zver* (The head of a human, the body of a beast). Fedorov N. F. *Sobr. soch.:* v 4 t. T. 3. Sost., podgot. teksta i kom. A. G. Gachevoy, S. G. Semenovoy (Fedorov N. F. Collected works: in 4 vol. Compilation, text processing and comments of A. G. Gacheva, S. G. Semenova). Moscow, 1997. Vol. 3. P. 310.
7. Fesikova O. V. *«Filosofiya obshchego dela» N. F. Fedorova v kontekste sovremennoy npravstvennoy filosofii: avtoreferat dis. ... kand. filosof. nauk (N.F. Fedorov's «Philosophy of common cause» in the context of modern moral philosophy: the abstract of thesis ... Ph. D. of philos. science)*. Tula, 2011. 19 p.
8. Etkind A. *Hlyst (Sekty, literatura i revolyutsiya)* («Khlyst» {sects, literature and revolution}). Moscow, 1998. 688 p.
9. Shklovskiy V. *Gamburgskiy schet: stati – vospominaniya – esse (1914–1933)* (Honest rating: articles – memoirs – essays {1914–1933}). Moscow, 1990. 544 p.
10. Timofeev A. G. *Vokrug almanakha «Abraksas» (iz materialov k istorii izdaniya)* (About the anthology «Abraksas» {from the materials to the history of the edition}). *Russkaya literature* (Russian literature), 1997, no. 4, pp. 190–205.
11. Kaverin V. A. *Dva kapitana* (Two captains). *Sobr. soch.:* v 8 t. T. 3 (Collected works: in 8 vol.). Moscow, 1980. Vol. 3. 638 p.
12. Shindina O. V. *Ot ozhivayushchey statui k nezvivomu gomonkulu: alhimicheskaya tema v rannem tvorchestve Kaverina* (From the revive statue to the lifeless homunculus: alchemic themes in the early works of Kaverin) *V. Ya. Bryusov i russkiy modernizm: sb.st.* (V. J. Bryusov and Russian modernism: Collection of articles). Ed. by O. A. Lekmanov. Moscow, 2004, pp. 240–250.
13. Kaverin V. A. *Osveshchennye okna: trilogiya* (Alight windows: Trilogy). *Sobr. soch.:* v 8 t. T. 7 (Collected works: in 8 vol.). Moscow, 1980. Vol. 7. 590 p.
14. Fayzrahmanova A. A. *Poetika russkoy literaturnoy utopii 1900–1910-kh godov: problemy zhanrovoy transformatsii v kontekste traditsii: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* (The poetry of Russian literary utopia of 1900–1910s: problems of genre transformation in the context of tradition: the abstract of thesis ... Ph. D. of philological science). Birsck, 2011. 21 p.